

секретно особой важности

ЛИВИЙСКИЙ Вариант

Николай Николов

Николай Николов

**Ливийский вариант. Второе
издание «Золото Каддафи»**

«Издательские решения»

Николов Н.

Ливийский вариант. Второе издание «Золото Каддафи» /
Н. Николов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740299-0

События в Ливии 2014 г. Реальные факты и воспоминания главного героя, аналитика одной из тайных российских спецслужб раскроют вам многие секреты «большой игры». Той, в которой нет правил, а друзья могут оказаться врагами... 11 сентября 2012 года в ливийском городе Бенгази происходят трагические и загадочные события... Шпионы, террористы, президенты и, конечно, Муаммар Каддафи в новом политическом триллере, боевике Николая Николова.

ISBN 978-5-44-740299-0

© Николов Н.
© Издательские решения

Содержание

ЛИВИЙСКИЙ ВАРИАНТ	6
Глава 1. 11 сентября 2012, Бенгази, Ливия	7
Глава 2. Агент Рембрандт	15
Глава 3. Смысл рыбалки	18
Глава 4. Арабский клинок	22
Глава 5. Год 1986. Ракеты, корабли и самолеты	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ливийский вариант Второе издание «Золото Каддафи»

Николай Николов

*Эта книга из раздела fiction, выдумка, вранье и фикция.
Любые совпадения имен, дат и фактов случайное. Текст ни на что
не указывает, не критикует и не призывает к каким либо действиям.
Редакция и издатель не несут никакой ответственности. Приятного
чтения!*

Ваш Николай Николов. 23 октября 2013

Фотограф Tim Felce

Иллюстратор Ник Па

Редактор Геннадий Фоменко

© Николай Николов, 2022

© Tim Felce, фотографии, 2022

© Ник Па, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4474-0299-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИВИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Эта книга из раздела fiction, выдумка, вранье и фикция. Любые совпадения имен, дат и фактов случайное. Текст ни на что не указывает, не критикует и не призывает к каким либо действиям. Редакция и издатель не несут никакой ответственности. Приятного чтения!

Оглавление:

Глава 1. 11 сентября 2012, Бенгази, Ливия

Глава 2. Агент Рембрандт

Глава 3. Когда клюет

Глава 4. Арабский клинок

Глава 5. Ракеты, корабли и самолеты

Глава 6. Превосходство в воздухе

Глава 7. «Нас не догонят»

Глава 8. Секс по-французски

Глава 9. Рейс 103

Глава 10. Фантомас, рыжий кот и другие

Глава 11. Объединенные защитники

Глава 12. Операция «Рассвет русалки»

Глава 13. Ливийский вариант

Глава 14. Секретно, особой важности

Глава 1. 11 сентября 2012, Бенгази, Ливия

Солнце, прячась за домами с плоскими крышами, медленно садилось. Закат заиграл оттенками красного в зеркальных окнах представительства посольства США в Бенгази, Ливия. Яркие краски уступали место вечерней мгле. В небе появились первые звезды, стал ярче холодный полумесяц луны. Крики и шум на улице становился все громче. Два часа назад в американском представительстве объявлена «оранжевая» степень угрозы. Выше бывает только «красная» и похоже скоро этот момент наступит.

Крис Стивенс стоял, прислонившись горячим лбом к прохладному стеклу зарешеченного окна в своем кабинете, и думал о том, что числится одним из первых в черном списке «Аль-Каиды» [1] (*Здесь и далее террористическая организация, запрещенная на территории РФ*). С другой стороны, послу хотелось верить, что собравшаяся у ворот толпа местных жителей протестует после появления в Интернете скандального ролика, который бесчестит великого пророка. Видеоролик сделан в США и за последние дни набрал на YouTube рекордное количество просмотров. И теперь толпы осаждали посольства США по всему Ближнему Востоку. Самые крупные из них собрались в Египте после показа ролика на местном кабельном салафитском канале, спонсируемом Саудовской Аравией и Катаром.

Но была и еще одна новость. Не столь заметная и не раскрытая в СМИ: в Пакистане убит ливиец Абу-Яхья аль-Либи, заместителя Аймана Аз-Завахири, популярная личность среди экстремистов не только из «Аль-Каиды» [1] (*Террористическая организация, запрещенная на территории РФ*). После окончательного ухода со сцены Бен Ладена в мае 2012 Аз-Завахири стал общепризнанным лидером организации.

Красные блики на окнах словно исполняли магический танец – клубы огня и багрового дыма вырывались из горящей за воротами представительства «тойоты». Из толпы, освещенной этим зловещим светом, стуком маленьких молоточков ударили первые короткие очереди автоматов Калашникова. Пока что стреляли в воздух. Возможно, что всё обойдется, как в Тунисе, разбитыми камерами наружного наблюдения и парой сгоревших автомобилей...

Посол никогда не курил, но сейчас в пепельнице на столе дымила сигарета. За полтора года событий в Ливии мистер Стивенс насмотрелся акций протеста. «Если это просто не довольные чем-то местные, то скорее всего пошумят и разойдутся. Но если это запланированное выступление, то так просто всё не закончится».

А на то, что акция запланирована, очень похоже. Несколько часов назад сотрудники бенгазийской полиции, охранявшие представительство США, бесследно исчезли. Как будто, сразу после того как толпа начала собираться, они получили прямой приказ из Триполи.

Боевикам из «Батальона 17 февраля», с которыми изначально сотрудничали американцы, платить перестали, и они давно уже не обеспечивали безопасность этих нескольких арендованных в Бенгази зданий. А ведь еще совсем недавно посол курировал помощь, поступавшую для свержения законного правительства Ливии, и договаривался с лидерами повстанцев. И он отлично знал, на что способны их вооруженные отряды.

Новая власть совсем недавно начала выводить из игры батальоны боевиков – катибы, которые не так давно были основной силой в войне против Каддафи. Национальный совет пытался взять власть в свои руки при помощи новой армии и полиции. Но бывшая Великая Народная Социалистическая Джамахирия фактически разделена по географическим районам проживания основных племен – восточную Киренаику, Триполитанию и пустынный Фецан. Во многих районах реальная власть это советы племен или командиры катиб. В Бенгази, одна

из нескольких крупных группировок салафитская «Ансар аш-Шариа» («Сторонники шариата» *Террористическая организация, запрещенная на территории РФ*).

На крыше здания включили мощные, направленные в толпу прожектора. Среди протестующих за воротами выделялся один из активистов: парень возвышался над толпой сидя на плечах товарища. В правой руке он держал мегафон, а левой возносил книгу в обложке, густо украшенной арабскими узорами.

Если протест закончится штурмом и закрытая информация попадет не туда, куда надо, вполне возможен крупный политический скандал. «Ливийский вариант» в одной из стран региона шел со скрипом и спецслужбам приходилось активно влиять на процесс. План операции был только что согласован с одним из основных зарубежных партнеров и дожидался шифровальщика на жестком диске в охраняемой серверной.

Судя по новостям из Египта захват представительства вполне возможен. В Каире протестующие мусульмане атаковали посольство США и заменили американский флаг на черный аль-каидовский. Их смогли остановить только при помощи местной армии и полиции. А там здание посольства больше похоже на крепость за четырехметровым забором.

Мистер Стивенс принял решение повысить степень тревоги до «красного» уровня и распорядился об эвакуации. И с этого момента начальник службы безопасности представительства обязан уничтожить секретные документы, изъять секретное оборудование и доставить американцев в безопасное место. Такое здание находилось неподалеку, но был риск нарваться на засаду боевиков. На территории оставались только три бывших спецназовца, один солдат-либиец и господин Джон Кристофер Стивенс, известный дипломат, посол США в Ливии.

В правой руке Стивенс держал наполовину полный бокал виски, пальцы левой обжигала почти выкуренная сигарета. Пепел странно, большими симметричными узорами ложился на бежевый ковер с высоким ворсом. Сигарета простая, армейский «Кэмэл» без фильтра из пачки офицера ЦРУ, который пытался обеспечить защиту посла, не дожидаясь приказа сверху.

Курить в служебных кабинетах строго запрещалось, Впрочем, как и приближаться к окну и, тем более, касаться защитной пленки.

Пропал сигнал телевидения и кабельный Интернет. Работала, правда, с переменным успехом, коротковолновая рация «уоки-токи». По ней отвечающий за безопасность офицер начал докладывать послу об эвакуации секретных документов и людей. Он только успел сообщить, что группа из пяти легковых автомобилей выехала за территорию и продвигается по соседней улице, как в динамике раздался щелчок и связь прервалась. Теперь рация только иногда тихо потрескивала.

Спутниковый телефон тоже еще работал, зеленым светился индикатор прямой линии связи с Госдепартаментом США. В Ливии вечер, а в Америке – бизнес-тайм. Посол даже слышал, как секретарша в Вашингтоне скрепляет степлером распечатки.

Дипломат пытался понять, почему нет ответа на его запросы. Почему-то никто не спешит принимать решение и посылать помощь.

Два дня назад из МИДа, который по традиции называется в США Госдепартаментом, пришло предупреждение о возможных акциях протеста, но конкретных мер принято не было. Старое здание посольства в Триполи разгромили еще при Каддафи, а после того как город перешел в руки оппозиции, офис посла разместился в одной из гостиниц. Летом у входа в отель взорвался автомобиль, начиненный гексогеном, и посол уехал в Бенгази. Именно здесь решались многие конфиденциальные вопросы, но офис в Бенгази не считался официальным посоль-

ством и носил весьма расплывчатый статус «почетного представительства посольства США в Ливии». Сами американцы называли его проще – station, станция.

В свете прожекторов густые черные клубы дыма отливали металлом. Вырывавшиеся из горящей машины языки пламени подсвечивали столб дыма короткими вспышками, – казалось, там начинается дорога в ад. Толпа уже несколько часов бесновалась за забором, появились лестницы и боевики с гранатометами. Но разрешение открыть огонь на поражение из Вашингтона так и не поступило. Хотя как раз в этот момент нужно нейтрализовать стрелков и активистов, а толпу попытаться разогнать выстрелами по верх голов.

Бывший спецназовец, сотрудник ЦРУ Глен Догерти вошел в кабинет посла без приглашения и предложил выключить свет внутри представительства. Крис молча кивнул. Теперь, когда задний двор и южную часть ограждения подсвечивала только свежая бирюза бассейна, казалось, стало тише и спокойнее. Погасли бесполезные мониторы стационарных компьютеров. Дипломат подтащил кожаное кресло к окну и попытался расслабиться неразбавленным виски.

Он приехал сюда, в Бенгази, в самом начале операции по свержению законного правительства. Еще до начала восстания сюда шли рыбацкие лодки, прогулочные катера и яхты с ящиками оружия, амуниции и запасом трехцветных флагов. Этот флаг символ мусульманского религиозного ордена Санусийа, образованного еще в начале 19 века в восточных областях Киренаики, проповедующего жесткий шариат и идеи Халифата, схожие с саудовским ваххабизмом. Во время второй мировой войны орден взял сторону антифашистской коалиции и после победы из трех североафриканских областей сделали государство Ливия. Может показаться странным, но по договоренности стран-победителей, Ливия отошла под протекторат проигравшей в войне Италии.

Советский Союз пытался закрепиться в Средиземном море и предложил взять под контроль этот участок северной Африки. Но союзники по Второй мировой дружно выступили против. Это были первые признаки скорого начала холодной войны. Тогда и появилось решение об итальянском протекторате. Союз рассчитывал, что в Италии к власти придут коммунисты, и не протестовал.

Вскоре потомок основателя ордена – Идрис ас-Сануси провозгласил себя королем. Его то и свергли молодые офицеры, одним из лидеров которых – Муаммар Каддафи.

Догерти прикурил сигарету в темноте коридора. Он зачищал территории еще в Ираке и умел хладнокровно оценивать критические ситуации. Сейчас, имея в распоряжении трех бойцов, вооруженных автоматическими винтовками со стандартным запасом патронов, пистолетами и парой ручных гранат, можно держать оборону. В толпе за воротами среди сотни протестующих дюжина вооруженных боевиков. Всего лишь пару гранатометов и две сотни патронов и посла Соединенных Штатов можно спасти, даже если начнется штурм. Но, если у боевиков появятся джипы-гантраки с минометами или зенитными пушками в кузовах, шансы продержаться до прихода подкрепления упадут до нуля.

Но Глен Догерти не из тех ребят, которые в случае опасности сидят сложа руки. В закрытой от простых смертных, секретной комнате шифровальщиков во всех посольствах стоит большой стальной шкаф с амуницией. Для экстренных случаев там должны быть патроны, гранаты, пара пулеметов, средства связи и даже гранатометы FMG-172 SRAW/Predator. Из этих одноразовых пластиковых гранатометов можно стрелять из закрытых помещений.

Но разрешения вскрывать эту комнату не было, даже посол без команды из Вашингтона не мог отдать такое распоряжение.

Следующий вариант – подарки из серверной. Там для срочного уничтожения под компьютерами заложены мины, а при оранжевом уровне тревоги в них должны установить детонаторы. Если игрушки правильно заложить, то ими можно подорвать перекрытия здания и устроить еще один рубеж обороны.

Бывший морской пехотинец вошел в серверную без проблем – стальные двери оказались распахнуты настежь. В темноте только голубые огоньки источников бесперебойного питания освещали гнезда вырванных с корнем жестких дисков. В железных выдвижных ящиках под системными блоками мин не оказалось. Глен сплюнул почти догоревший бычок сигареты прямо на пол. Здесь явно успел побывать начальник безопасности представительства, который смылся первым под прикрытием эвакуации. Осталось проверить секретку в подвале.

Армейским ботинком с толстой рифленой подошвой офицер привычно растер окурки, скрипнув по пластиковому покрытию. Подсвечивая фонариком, он спустился в подвал. В секретке, кроме пары картонных упаковок с патронами для автоматической винтовки, ничего не нашлось.

За окном в темноте, разрываемой адскими красными всполохами, доносились гортанные крики толпы, верещание мегафона и жесткий треск автоматных очередей. Наступал переломный момент – если толпа пойдет на штурм, придется открыть огонь. Нужно продержаться до прихода помощи. Послу хотелось верить, что приказ наверху уже отдан, и остается только ждать. Два вертолета с ближайших кораблей Шестого флота США могут рассеять эту толпу за три минуты. Или самолет огневой поддержки спецназа, которому лететь с военной базы в Италии чуть больше часа.

По соседнему окну в кабинете секретаря с треском ударила очередь из автомата. Стекло, затянутое специальной пленкой, выдержало, не посыпалось. Бутылка из-под виски укатилась куда-то под стол. Теперь точно – это не просто толпа демонстрантов, а вооруженный штурм. Господин Стивенс встал и подошел к барной стойке. Лед в ведерке уже начал таять. Из Вашингтона сообщений все еще не поступало.

После свержения Каддафи обстановка в Ливии оставалась напряженной. Наверх уходили донесения о том, что безопасность этого представительства под угрозой, но реально никто ничего не делал. Государственный департамент сокращал расходы.

Стаканы звякнули. Посол по еще державшему зеленую линию спутниковому телефону еще раз запросил срочную помощь. Он не знал, что Президент США наблюдает за происходящим в реальном времени из Ситуационной комнаты Белого дома. В район событий один за другим на разведку отправлены два беспилотника. С них по закрытому армейскому каналу прямой видеосигнал шел в Пентагон, ЦРУ и Белый дом. На самом деле, в Вашингтоне просто никто не мог поверить в то, что повстанцы, так щедро подкармливаемые в свое время, начнут реальный штурм станции. Это не соответствовало поступающей из Госдепартамента президенту информации о ситуации в Ливии. Демонстрации протеста – да, возможны, но вероятность вооруженного нападения, которое не сможет остановить местная полиция и армия, считалась нулевой.

Глен поставил двух бывших морских пехотинцев у окон помещений справа и слева от офиса посла и через оптический прицел винтовки осматривал периметр. Если начнется штурм, то можно попытаться охладить пыл нападающих отсекающим заградительным огнем. Даже если подберутся к самому зданию, то остановятся у стальных решеток на входе и на окнах, где придется угостить их парой гранат.

Ждать оставалось недолго. Один из активистов акции, араб лет 20ти, сидел на заборе, свесив ноги в тяжелых армейских ботинках. Он громко и хлестко орал что-то на арабском в мегафон, а вместо книги размахивал автоматом «Калашников». В перекрестье прицела винтовки Глена четко видны безумные глаза боевика. Еще минута и толпа фанатиков во главе с этим арабом пойдет на штурм.

Глен решил стрелять, но не убивать парня. У того на ногах морпеховские, из светлой, под цвет песка, замши, армейские ботинки. Однотипный рисунок подошвы и носки защитного болотного цвета. Местные жители такие не носят, а тем более, не заворачивают носки сверху на ботинок. Так делают опытные бойцы, которые целый день по жаре на ногах, а не в тапках. Глен взял прицел ниже, правее и выстрелил арабу в ногу. Мегафон заткнулся. Парень, взмахнув руками, завалился на улицу. Раненого быстро подняли и куда-то понесли.

Несколько человек с оружием прорвались на территорию, и, пригибаясь, побежали к зданию. Перемещались они неумело, по прямой. Один остановился и дал длинную очередь по окнам посольства. Глен лично отдал приказ открыть огонь на поражение. Времени на предупредительные выстрелы не осталось. Из окон посольства полетели ручные гранаты. Раздались хлопки взрывов, секунд десять ничего не было видно – сектор обстрела заволокло пылью и дымом.

Когда дым начал рассеиваться, нападавших на территории и заборе уже не наблюдалось. Толпа на улице тоже заметно уменьшилась. Те, кто пришел развлечься – покричать, пострелять в воздух и сжечь пару флагов, не станут лезть под пули.

Глен точно знал, что армейские вертолеты не прилетят. Районы морского базирования вертушек на кораблях не входили в радиус подлетной зоны к Бенгази. Можно, конечно, поставить лазерные метки для наведения крылатых ракет, но бомбить территорию у здания посольства командование не рискнет. И самолет огневой поддержки для разгона «мирной демонстрации» в городском районе не пришлют. Стрелки-операторы могут вести огонь и точно сбрасывать бомбы ночью, но для точного определения целей, особенно если враг это отряд головорезов с опытом ведения уличных боев, нужно тесное взаимодействие с наземными наводчиками, которых нет.

Реально изменить ситуацию мог только отряд спецназа, на переброску которого самолетом нужно всего около двух часов, и то, если будет отдан приказ. Но его не будет. Сажать борт в аэропорту Бенгази тоже не рискнут и Догерти наверняка об этом знал.

На улице появился грузовой внедорожник. Он быстро проехал через разбегающуюся, как тараканы, толпу и резко затормозил у самого забора. Стоявший в кузове боевик перестал цепляться за крышу гантрака и нагнулся за оружием. Догерти держал его на прицеле. У араба в руках появился гранатомет и через секунду он уже наводил его на цель.

Глен открыл огонь одиночными. Первый выстрел, и боевик, резко вскинув руки, упал в кузов. Второй, третий, четвертый, пятый – по кабине. Дернувшись, внедорожник зигзагами ушел в темноту ночи. Глен перевел винтовку в режим стрельбы очередями и через прицел осмотрел улицу. От бурлившей толпы осталось человек тридцать. Он дал пару длинных очередей над головами, и через минуту место, где кипела демонстрация протеста, опустело. Только дым горящей «тойоты» и чадащих покрышек. Первая часть плана сработала. Стрельбой из окон, на уровне обороны офиса посла, атаку удалось отбить.

«Но если будет еще одна, похоже, мы долго не продержимся, – Глен снял бронежилет и развалился в кресле у окна в кабинете посла. – Можно попробовать перебраться в другое место, в соседний, расположенный примерно в миле, комплекс зданий, но пробираться в темноте по переулкам слишком рискованно». И, казалось, уже не имело смысла. По спутниковому

телефону наконец-то сообщили: в Триполи вылетел самолет со спецназом США. Отправлять самолет напрямую, в Бенгази, военные все-таки не рискнули.

Мистер Стивенс зачерпнул шейкером из серебряного ведерка остатки льда, налил почти до краев виски и добавил ликер «Болс». Вишенки для украшения бокалов, к сожалению, закончились.

За окном белым коротким рассветом полыхнул взрыв. Боевики ударили из гранатомета по южной части забора. Глен извлек из минибара посла следующую бутылку односолодового виски и поделился с Кристофером сигаретами из последней пачки. На часах по местному времени 21.30, но помощь все еще не пришла. Из темного переулка, словно по команде, подряд грохнули два выстрела из гранатомета. Стреляли издали и особого вреда не причинили, но удары выдавали серьезные намерения атакующих. В правом крыле здания, в стене одной из комнат, оседала пылью пробитая кумулятивной гранатой брешь. Взрывом двери выбило вместе с рамой, загорелись мебель и шторы. Взошла и сразу заглухла сирена пожарной сигнализации.

Согласно инструкции, посол должен спустить оставшиеся документы и личные записи в специальную трубу, уходящую под землю на глубину 15 метров. Об этом варианте мало кто знал, так как «труба» в обязательной архитектуре представительств появилась не так давно, только после реальной угрозы захвата посольства США в Тбилиси. Но в этом здании ни тайника, ни специальной безопасной комнаты – стальной коробки с фильтруемой вентиляцией – не было.

Вдруг, за окном, белым слепящим светом молнии блеснула вспышка мощного взрыва. Казалось земля вздрогнула и зашатались стены. Выстрел из переносного зенитного комплекса порвал решетки и раметал в клочья двери на входе в здание. Догерти различал взрыв гранаты из противотанкового гранатомета и миниракеты на слух. Оконные стекла покрылись трещинами. Эта атака уже точно похожа на грамотно организованный штурм. Глен жадно, тремя полными глотками, хлебнул виски из бутылки.

Бахнуло взрывом у небольшого вспомогательного помещения в тридцати метрах от основного здания. Наверняка сработал один из сюрпризов, которые маринес оставили для незваных гостей: значит, атаквали с разных сторон. Морские пехотинцы выбросили из окон пашки со слезоточивым газом. Временная мера, но территорию вокруг здания густо заволочло багровыми клубами газа.

Крис прикурил одну сигарету от другой, еще не догоревшей до конца. В коридоре резко хлопали одиночные выстрелы из американской винтовки. Патроны надо беречь.

Посол запер свой личный дневник, с исписанными за последние часы восемью страницами, в ящик стола. Там ясно написано, что секретные материалы по его приказу эвакуированы из представительства отвечающим за безопасность офицером.

Слезоточивый дым быстро рассеивался. С фланга, через дыру в заборе, боевики в камуфляже проникли на территорию. Теперь они шли на штурм. Глен, передернув затвор пистолета, взял на мушку одного из них. Патроны в рожке автоматической винтовки, как всегда, закончились слишком быстро. Стрелять из пистолета с такого расстояния по силуэтам на фоне слабо освещенного бассейна не имело никакого смысла. Надо ждать и подпустить их поближе.

Боевики профессионально разделились на пары и, прикрывая друг друга, перебежками приближались к зданию станции. Лица атакующих скрывали повязанные по-особому, с узлом на боку, куфии. Глен задержал дыхание, мягко положил палец на спусковой крючок пистолета и, на выдохе, выстрелил. Похоже, один из боевиков успокоился навсегда.

Глен упал и перекатился к другому окну. Атакующие залегли и открыли шквальный огонь из автоматов. От бетонной стены, за которой он укрылся, градом полетели осколки. Судя по звукам выстрелов, доносившихся с разных сторон здания, «вооруженных лиц без воинских знаков отличия» больше сотни. Пачка «Кэмэл» без надписи «Курение убивает» почти опустела. Зато почти полной оставалась бутылка виски.

Полковник Белов неохотно снял трубку телефона ВЧ. Сегодня Алексей Емельянович приехал в контору пораньше и ждал этот звонок по вертушке, но все-таки в душе надеялся, что срочного разговора не будет.

В Бенгази шесть часа утра, а в Москве уже восемь. Прогноз аналитиков по ситуации в Ливии ушел наверх вчера вечером. Но он не оправдался. Меньше надо доверять информации из Вашингтона.

Посол США убит.

Скандальный художественный видеоролик, в котором один из эпизодов запечатлел момент убийства темноволосой женщины с христианским крестом на груди, вполне профессионально сделан и размещен в сети Интернет почти за неделю до атаки на американские посольства. Те, кому это было нужно, сумели превратить негромкое событие в разрывающую мусульманский мир новость.

Впрочем, полковник сам указывал в докладе, что это не причина, а только медиа-завеса предстоящих событий. Такие видео в сети уже появлялись, но в этот раз очевидно, что событиями в разных странах пытаются управлять из одного центра. Полыхнуло в Тунисе, Египете, Ливии, Йемене. Список погромов у американских посольств удивительным образом совпадал со странами, по которым прокатились волны «арабской весны». А ведь завтра протесты наверняка пройдут и в Иране, Индонезии, Пакистане. И тогда «горячих точек» на карте может стать еще больше.

Выслушав дежурные пожелания по вертушке, полковник Белов вытащил из дальнего ящика стола початую пачку сигарет «Кэмэл». Ее в качестве сувенира ему подарил генерал из оперативного управления НАТО на одном из совместных заседаний в Брюсселе. Простые армейские сигареты без фильтра. На пачке отсутствовала большая предупредительная надпись о вреде курения.

Алексей Емельянович не курил уже два года. Не курил, когда при эвакуации сотрудников российского посольства в Ливии колонна автомобилей заехала в зону артиллерийского обстрела. Не курил, когда английская разведка слила координаты танковой колонны правительственных войск в Сирии террористам. Не курил, когда по всем телеканалам показывали окровавленный труп полковника Каддафи.

И сейчас курить не хотелось. Нужна просто короткая пауза. Нужно обдумать полученный по телефону приказ. Похоже, что в Штатах, накануне выборов президента, трагическая гибель посла в Ливии могла оказаться кому-то выгодной. Или Аль-Каида ответила на убийство Абу-Яхья в Пакистане. Таких «или», как всегда в политике, слишком много. «Или» переплетаются с «и», «из не проверенного источника», «предположим», «считается» не давая однозначных ответов.

Конечно, при воплощении в жизнь теории управляемого хаоса потери неизбежны, но убийство посла, который проработал на Ближнем Востоке более десяти лет, выводило событие на совсем другой уровень.

Щелкнула зажигалка, и полковник закурил, глубоко, до головокружения, затягиваясь забытым вкусом сигареты без фильтра. Задача стояла ясно: собрать и проанализировать всю необходимую информацию, сделать выводы, прогноз и наметить план дальнейших мероприятий. В письменном виде таким суконным, бюрократическим языком описывалась работа Алексея Емельяновича, но не реальная жизнь, в конце концов. Он честно служил Родине, пытаясь охладить головы рвущихся в бой военных и политиков, причем не только своих, но и чужих.

Полковник аналитического отдела Белов резко открыл дверь туалета в комнате отдыха своего кабинета и щелчком отправил недокуренную сигарету в унитаз.

Предстояло почти полностью, с учетом поступающей информации, проанализировать сложившуюся в Ливии ситуацию. Если вчера захват американского представительства в Триполи или Бенгази представлялся маловероятным, то сегодня он стал реальностью. Информация, развертка, аппликация, перспектива и рекомендации для политического руководства. Полковник приступил к работе.

Глава 2. Агент Рембрандт

На стол Алексея Емельяновича легли глянцевые отпечатки полученных со спутника изображений. Полковник предпочитал изучать их на больших листах фотобумаги, напечатанных в красной комнате техотдела. Еще отдающие чем-то химическим, черно-белые фото отражали хронику ночных событий. Толпа у забора комплекса зданий посольства, бассейн пятном света, прожектора, горящий автомобиль. На соседней улице – попытка боевиков остановить колонну из пяти легковых машин, видимо, с уезжающими из представительства американцами. Джип, что шел во главе колонны, горит у самого перекрестка, но остальным удалось уйти.

Следующая серия снимков: слезоточивый газ или дым у основного здания представительства, группа людей что-то тащит на улицу – похоже, труп, от посольства удаляется легковой автомобиль. Короткая молниеносная атака боевиков на второй комплекс зданий, расположенный примерно в километре. Вспышки выстрелов: несколько гантраков – грузовых внедорожников – ведут огонь с установленных в кузове пулеметов. Но здесь атакующие получают жесткий отпор, отходят, их подбирают гантраки и уезжают.

Реальной информации для анализа ночных событий слишком мало. Данные от военных, внешней разведки и по линии МИД не складывались в мозаику, в чем-то противоречая друг другу. В распечатке из военной разведки – график полетов двух американских беспилотников в районе Бенгази.

В записке из Конторы «соседей» – боевики из катибы «Батальон 17 февраля», которые почти два года охраняли арендованные под представительство дома, убили посла. По официальному заявлению Белого дома, господин Стивенс погиб почти случайно во время демонстрации протеста. Информагентства выдавали версии одна фантастичнее другой. «Аль-Джазира», например, озвучивала мнение, что за убийством стоит Иран. «Викиликс» утверждал, что это ответ на поддержку США планов штурма эквадорского посольства в Лондоне и ареста Джулиана Ассанжа. И т. д. и т. п.

Нажав кнопку интеркома, полковник Белов вызвал в кабинет секретаря-рефернта:

– Тamarочка, а не заварить ли нам кофейку?

– Кофе, Алексей Емельянович? – брови Тамары заметно поползли вверх. – А я думала – печатать.

– Рано еще. Будут спрашивать, скажи, что как только – так сразу, там поймут.

С зафиксированными в верхнем положении бровями секретарша вышла из кабинета.

Ситуация с убийством посла не вязалась со многими обстоятельствами. Крис Стивен не был новичком, который мог растеряться в экстремальной ситуации. Он был опытным дипломатом, работал в Ливии с 2007 до 2009 и с самого начала событий 2011. Не понятна и позиция США – слабая охрана посольского комплекса, отсутствие реакции на запросы о помощи, с которыми посол обращался задолго до трагической ночи. Отряд спецназа, который вылетел в Триполи и так слишком поздно, а потом два часа искал транспорт для перемещения в Бенгази. Беспилотники, которые в режиме реального времени передавали видео прямо в Пентагон.

С другой стороны, явно спланированная акция по захвату представительства и убийство посла. Ответом на гибель дипломата легко могла стать военная операция и прямой ввод наземных сил НАТО на территорию страны. К Бенгази уже приближались два боевых корабля с морскими пехотинцами на борту. Когда гибнут дипломаты, начинают говорить пушки. Или работать спецслужбы.

Тамара, как положено, принесла вместе с кофе свежую прессу. Стройная, точеная фигурка Тома вносила в почти армейские будни Белова легкий диссонанс. Даже не то, что она явно стучала на него в контору, а то, что ее явно пытались сделать подстилкой полковника. Однако с поставленной задачей аппетитной разведке не удавалось справиться уже два года. Вопреки привлекательности лица, Томины выщипанные брови напоминали Белову старый анекдот о противогазе. А колготки со швом возбуждали только воспоминания об оптовых закупках «макияжа» в Венгрии 80х годов.

Ливийский агент под псевдонимом «Рембрандт» был завербован еще во времена дружбы Каддафи с Советским Союзом и работал за деньги. Это был один из личных агентов полковника, которых ему удалось сохранить во время перестройки различных ведомств.

В процессе разработки своих будущих агентов, Белов использовал специальную методику установки ментальной связи. Не всегда, но часто это давало результат. Профессор из секретной лаборатории, в которой будущий полковник проходил курс обучения еще при СССР, был уверен: чувство, желание – он называл это «пакет» – можно передать на расстоянии другому человеку.

Главное, чтобы он хотел принять сигнал. Однажды вечером после занятий на спецкурсе Алексей увидел в метро очень симпатичную девушку на эскалаторе, движущемся в другую сторону. Неосознанно возникшее чувство удалось оформить в «пакет» и отправить. С Ольгой они прожили в счастливом браке почти двадцать лет.

После того как вчера пришла срочная информация – в Бенгази начинается заварушка у американского представительства, – Алексей Емельянович попробовал переслать «пакет» агенту. Полковник расслабился, установил правильное дыхание и около десяти минут мысленно повторял: «Хасан, пойд и посмотри». Профессор говорил, что повторять фразу нужно для себя, чтобы сконцентрироваться на желании. Сработает это или нет – гарантии никакой. Иногда срывает.

Хасан, который и не ведал, что проходит по картотеке у русских под странным именем «Рембрандт», наблюдал за происходящим у посольства в полевой бинокль, устроившись на плоской крыше обычного в этом районе триполийского дома на противоположной стороне улицы. По толпе, словно от упавшего в воду камня, расходились волны истерии и ярости. Парень с автоматом забрался на забор представительства и кричал в мегафон обидные для американцев слова. Араб, но он был не похож на ливийца.

«Скорее палестинец, – предположил Хасан, – или из Персидского залива, но не Ирана».

За спиной, где-то слева среди жилых домов, резким узнаваемым треском раздалась очередь из АК-74. В ответ послышались выстрелы из американских винтовок. Полыхнула белая вспышка, а затем словно ударил раскат грома от взрыва ручной гранаты. Но то, что происходило у перекрестка, с крыши рассмотреть не удавалось, и агент Рембрандт поспешил к месту перестрелки. Делал он это отнюдь не из праздного любопытства – русские хорошо, а когда удавалось добыть что-то ценное, то и очень хорошо, за это платили.

«Простому мусульманину никогда не повредит немного денег от друзей, – подумал Хасан. – Удачно, что я сегодня прилег отдохнуть после обеда».

Проснувшись, он уже знал о задании. Он прекрасно помнил, что русских обычно интересовали документы или переносные компьютеры, и, если повезет, то сегодня можно неплохо заработать.

Узкую улочку заволокло черным дымом из горящего армейского джипа. Видимо, боевики хотели заблокировать здесь машины с американцами, которые пытались уйти из города. Глаза заслезились от дыма, и Хасан, прикрывая лицо бурнусом, почти прижимаясь спиной к стенам, стал медленно подбираться поближе. Взрывом из машины выбросило труп солдата. Боевики, беспорядочно стреляя на ходу, устремились вглубь улочки. Скорее всего, джип, который шел во главе колонны, принял удар на себя и прикрыл другие машины, свернувшие от опасного перекрестка в один из проулков.

Еще несколько шагов и Хасан присел на корточки, накрыв бурнусом валявшийся у самой стены брезентовый армейский мешок. На ощупь там были какие-то угловатые железки. Взяв мешок на плечо, Хасан выбрался к пустому перекрестку и быстро растворился в ночном городе. Его армейский бинокль так и остался на крыше, но сейчас было не до того. В мешке оказались какие-то компьютерные запчасти, почти все смятые и рассыпающиеся на мелкие детали. Но одна увесистая коробочка из темного пластика сохранилась почти как новая. Хасану не нужны были дополнительные инструкции, он знал, что ему делать. Похоже, удача-таки улыбнулась ему. Можно, конечно, использовать тайник, но это займет слишком много времени да и цена на товар может упасть. Лучше подать условный сигнал о срочной встрече.

Хасан вставил специальную симкарту в старую потрепанную «нокию», набрал пин-код и дождался выхода в телефонную сеть.

Через десять минут выключил аппарат, вынул симку, а затем повторил все сначала. Теперь русские точно выйдут на связь. Как именно они поступят в этот раз, Хасан не знал. Однажды его просто выкрали на пару часов, затолкав в проезжавшую легковушку прямо на улице, в другой раз пришло известие о смерти родственника в дальнем горном селении и пришлось ехать на похороны. Слава всевышнему, оказалось, что двоюродный брат жив и здоров.

Полковник Белов получил сигнал 22. Это значило, что в мобильную сеть два раза подряд выходил один из его личных агентов. Наверняка это Рембрандт. Алексей Емельянович спокойно допил кофе, пока технари проверили источник и подтвердили его догадку – в этот раз ментальная связь сработала.

За время сотрудничества ливийский агент, похоже, сколотил целое состояние. Но деньги, которые платили арабу из секретного фонда, не были потрачены зря. Одно из первых своих заданий он выполнил успешно: три года назад агент доставил по назначению важную информацию. Флеш-карта из фотоаппарата Оксаны Терещенко, личной медсестры Муаммара Каддафи, помогла расставить многие точки над *i*. Для начальства, да и прикрывая Оксану, материал представили как сообщение от высокопоставленного ливийского чиновника. Возможно, если бы не эти фото, сценарий событий в Ливии был бы другим. А в начале 2011 года информация от Хасана стала просто эксклюзивной.

Сегодняшний выход в сеть два раза подряд означает, что Рембрандт раскопал что-то интересное.

По личному телефону Белов набрал адмирала Новикова:

– Нужно срочно встретиться.

– Рыбки свежей захотелось? – не по-уставному ответил адмирал. По уставу полковнику он не подчинялся.

– Договорились.

– Жду...

Глава 3. Смысл рыбалки

На берегу затерянного где-то в дальнем Подмоскovie лесного озера расположились два рыбака. Один в осеннем камуфляже, другой в джинсах и помнящей лучшие времена спартаковской ветровке. Полковник Алексей Белов, аналитик одной из неприметных российских спецслужб, и адмирал Новиков собрались не просто посидеть за удочками, но и обсудить кое какие дела.

Из полковника рыбак, что пуля из теста, даже собственных снастей у него не было. А вот у Василия Петровича снаряжения с запасом. И, как положено на флоте, в идеальном порядке. Удилища в специальных чехлах, рогатки-подставки отполированы до зеркального блеска, складной камуфляжный стул не скрипит, а полулитровая фляжка держит требуемую температуру гаванского рома.

Белову пришлось одолжить самое неприглядное старенькое удилище и теперь в воде болтается простенький, грубо сработанный, пенопластовый поплавок. В рундучке Новикова аккуратно разложены крючки всех размеров, грузила, какие-то мушки и прочая дребедень.

«А где стаканы – вопрос, конечно, на засыпку. Может в машине остались, – прикинул Белов, закатывая рукава куртки с выцветшим логотипом, – Нехорошо... Фляжка то здесь».

Фирменный поплавок – гусиное перо на финской малозаметной лесе у Новикова погружён на правильную глубину у самых камышей, там, где скорее всего возьмет крупный карп. Наживка – специальные шарики из теста с ароматом ванили и вымоченная по секретному рецепту кукуруза. А Белов насадил на крючок размятый ком обычной овсяной каши, обваренной кипятком, и забросил всего метра на три, по дилетантски надеясь на удачу.

– Вася, а стаканы не забыли?

– Тебе, Леша, лишь бы стаканы. Сиди, отдыхай, сейчас клевать начнет.

Как по команде поплавков адмирала зашевелился, задрожал, разгоняя круги по озеру, и медленно пошел под воду. Новиков уже держал удочку в руках и, когда гусиное перо полностью погрузилось, ловко и сильно подсек. На берег со свистом полетел севший на крючок мелкий, сантиметров пять, карасик. Так подсекают солидную рыбу, а не мелочь пузатую.

Видать, место под камышами было на самом деле рыбное, клевало не переставая. Минут за сорок Василий Петрович натаскал полное ведро карасей. Он лихорадочно менял сорта наживки и глубину заброса, но крупняк не шел.

Белов не спеша пил кофе из крышки от термоса. Поплавков его снасти иногда мелко вздрагивал и пару раз даже слегка повело в сторону, но полковник не торопился дергать удочку. Кофе был хорош, колумбийская арабика почти без сахара даже в термосе сохранила тонкий аромат. Перезакидывать каждые пять минут было лень. Размер крючка на снасти был такой, что карасик шпротного размера никак не проглотит. Комок наживки с каждым забросом тоже становился все больше. Мелочь подходит, треплет, объедает кашу, но Белов спокойно ждал трофей покрупнее. Если повезет. «А везет тем, кто не разменивается по мелочам», – поплавок еще раз дернулся, по озеру пошли круги.

Когда наживку берет солидный карп, то сначала поплавок поднимается из-под воды и ложится на бок. В этот момент не надо суетиться и хвататься за удочку. Рыба почувствует

движение и не станет брать наживку. А вот когда поплавок поведет в сторону и под воду, то не зевай.

«Редко мы Васей выбираемся порыбачить, в последний раз лет пять назад. То дальний поход, то ближний запой»:

– Петрович, может закусим?

– Леша, за поплавком смотри. Вытащишь первого карася, тогда и перейдем к следующему пункту нашей программы.

Плавающий на воде пенопластовый шарик не подавал признаков жизни, похоже мелочь уже растрепала наживку. Полковник надел пустую крышку на термос с драконами и разминал очередной ком каши, когда поплавок стал медленно подниматься из воды. Плавно, не нагоняя по воде круги ряби, он лег на бок. Наверняка клевал конкретный карп.

Лесное озеро, куда его пригласил адмирал, на самом деле совсем не простое. Раньше это место называлась специальным охраняемым объектом «Три сосны». Поговаривают, сам наш дорогой Леонид Ильич любил посидеть здесь с удочкой, а рыба покрупнее садилась даже на пустой крючок.

Территория так и оставалась закрытой, только перешла под присмотр военных. На треть заросшее камышом озеро выглядело не слишком ухоженным, но карп здесь явно водился.

Поплавок повело в сторону. Белов подхватил удочку и резко подсек. Леса крепко натянулась, рыба пыталась уйти на глубину. Чувствовалось, что на крючок попался настоящий крупняк. Удилище согнулось дугой, но сразу сильно тянуть нельзя – снасть порвет, пиши – пропало.

– Подсак, Петрович. Давай подсачек, не тормози.

– Вываживай, Леша! Не спеши, – Новиков споткнулся и чуть не полетел в воду, торопясь на помощь, матернулся и резво окунул сетку в озеро, – Дай, я...

– У себя в министерстве будешь командовать, военный. Прими в сторону, сейчас вытащим, – рыба шла, сопротивляясь, кругами.

Белов, при сильном напоре, чуть отпускал, не давая дуге удилища разогнуться до конца, но при малейшей возможности подтягивал добычу ближе к берегу, – Килограмм пять, не меньше, зараза.

– Если на тебя вдруг пойдет, не дай лесе провиснуть, – суетился Петрович.

– Не учи ученого, – не успел закончить фразу Белов, как снасть натянулась до упора и на мгновение застыла в напряженье. Карп изо всех сил пытался уйти, сопротивляясь судьбе-злодеке, но удерживаемый на тугой лесе оставался на месте. Секунды казались долгими минутами. Сейчас леска дзынькнет, порвавшись или разогнется крючок или не выдержит удочка, или...

Секунда шла за секундой и напор медленно ослабевал. Рыба пыталась удержаться на губине, пару раз вильнула в сторону, но явно теряла силы.

– Хитер, смотри, сейчас как дернет и в камыши.

– Не дернет, мы ему воздуха свежего хапнуть дадим, – снасть хорошо держала и Белов повел удочку вверх. Рыба, хватанув дозу кислорода, в шоке перестает пару минут сопротивляться.

Емельяныч тихим ходом подтянул рыбу к поверхности. В тот момент, когда над водой показался разинутый рот карпа, он, громко шлепнув по воде хвостом, извернулся и устремился вниз, на глубину. Только блеснул под водой желтый бок красавца. Адмирал от досады швырнул подсак в кусты:

– А хвост, что лопата! Ушел?

– Да куда он денется, – в самый важный момент Белов машинально опустил удочку и кабанчик почти случайно не сошел с крючка. Полковник снова чувствовал приятный груз на другом конце снасти.

– Подсак давай, военный. Да поживее, – полковник любил, при случае, покомандовать адмиралом.

«Жаль, случаи такие бывают редко», – успел подумать Алексей Емельянович, пока подводил почти переставшую сопротивляться рыбу к берегу. Петрович зачерпнул зеркального карпа в сетку подсачека и радовался совсем как мальчишка:

– Песочный песок, килограмм шесть, не меньше! Может отпустим?

– Конечно отпустим, что мы живодеры какие-то, такого красавца под нож пускать. Карасей – ведро, нажарим. А этого, давай, сфоткаю пару раз и пусть гуляет.

Похожими на хирургические щипцами Василий Петрович аккуратно извлек крючек и бережно опустил добычу в воду. Карп, словно нехотя пошевелив плавниками, пришел в себя и, не оглядываясь, скрылся в прохладной глубине озера. Белов, на всякий случай, сделал кадр согнувшего над озером адмирала – вид сзади и спросил:

– А чистить карасей кто будет?

– Матрос дежурный, на камбузе... Ты стаканы нашел?

– Да и не собирался.

– Сразу видно, Леша, что не военный ты в человек. И жажда старшего по званию тебе по барабану. А зарплату, небось, полковничью получаешь? С выслугой лет?

Белов слушал эти армейские шутки Новикова уже лет двадцать и знал их наизусть, но все равно от души улыбнулся:

– Нет у тебя с собой стаканов.

– Откуда ты знаешь?

– А иначе сам бы уже наливал, – Белов свинтил с термоса кружку-крышку, – Может вам темный ром с озерной водой смешать? Дайкири или как?

Адмирал перестал задавать глупые вопросы. Емельяныч определил сорт не открывая фляжку. Тара на самом деле наполнена черным Anejo Reserva, одной из лучших марок HAVANA CLUB. С начала, после перегонки сахарного тростника, получается светлый ром. Он темнеет, как коньяк, после многолетней выдержки в дубовых бочках. Разбавлять черный ром – считается преступлением не только на флоте.

«Аналитик, что с него возьмешь, кроме анализа. Вычислил по косвенным признакам, – садок с карасями оказался приятно тяжелым, – Для полного счастья не хватало только тащить на рыбалку лед, лайм, мяту и прочие коктейльные прибаамбасы».

Камбуз обнаружился в спрятанном в сосновом лесу деревянном домике. Скорее всего, для маскировки от главного врага всех матросов – проверяющего, у входа висела загадочная синяя табличка «Пищеблок кр-ла №2». Впрочем, проверяющих тут давно не было, объект закрытый. На базе готовятся к «активным действиям» пловцы секретного флотского спецназа.

Дежурным матросом оказалась симпатичная девушка и встретила почетных гостей от души. По-простому, на грубом деревянном столе, их дожидались крупно нарезанные помидоры, свежий зеленый лук, селедка пряного посола, квашеная капуста, маринованные опята... Но главной закуской выступали домашние, заложенные на закваску по-особому, в дубовом

боченке, не крупные огурцы. Не подсохшие разрезанные, а целые и хрустящие, с глотком рас-
сола внутри, самое то:

– За Северный, – поднял наперсток, грамм на тридцать, Белов.

– За статистику, – Василий Петрович щелкнул по нижней и верхней кромке рюмки, –
Чтоб на каждое погружение – по всплытию.

Глава 4. Арабский клинок

Еще ночью Хасан переложил компьютерные железки в непромокаемые бумажные пакеты из-под натовского сухого пайка. Болтики и прочую ненужную мелочевку он надежно спрятал, а мешок выбросил на помойку. Оставалось только ждать. В уличном кафе время пройдет быстрее. Удобно присев на низком обтрепанном диванчике, Хасан заказал большой кальян с буковым углем и, прикрыв глаза, погрузился в неспешные размышления.

Пару лет назад русские очень хорошо купили карту памяти из фотоаппарата личной телохранительницы самого Каддафи. Женщина тоже была откуда-то из России. Да, ее звали Наташа-Оксана. Аппетитных размеров, с яркими глазами цвета неба, такую бы он с удовольствием оседлал. Оседлал и промчался, словно на дышащем жаром скакуне по ночной пустыне так, чтобы крики неверной было слышно издалека.

Хасан понимал почти все, когда говорили на русском, и даже мог произнести несколько слов. Он был совсем молодым, когда провел осень в Болгарии, в лагере подготовки. Тогда, по указу правительства Каддафи, у его семьи отобрали лучшие земли. Хасан отомстил активистам из революционного комитета, но пришлось прятаться у кочевников в пустыне. Старейшины племени приняли его хорошо, однако доверять им полностью он не мог. Лучшего варианта, чем уйти за границу и переждать горячее время пока его ищут по всей Ливии, он не представлял. За определенную сумму можно было перебраться с попутным караваном в Чад, но что делать там без денег, Хасан не знал.

В случайном разговоре один из русских, словно зная о его проблемах, предложил поездку в учебный лагерь. Три месяца в Болгарии, плюс еда, дорога туда и обратно и даже наличные. Этому человеку араб доверял. Советским инженерам, ставящим железные мачты и тянувшим по ним через пустыню провода линий электропередач, Хасан перекидывал кое-что из контрабанды, и проблем никогда не было. Русские даже не торговались, оплачивая заказанный товар. По словам инженера, в лагере обучали стрельбе, рукопашному бою и иностранным языкам. Поездка была тайной от властей, без всяких паспортов и других бумажек, сначала на грузовике, потом на одном из кораблей, доставлявших в Ливию из Союза оборудование.

Хасан долго, целую ночь, лежа на кошке и глядя на мерцающие звезды, думал. Если его будут заставлять отойти от веры или кто-то посмеет оскорбить ислам, он просто перережет глотки неверным любым осколком стекла. А так ему терять нечего. На все воля всевышнего. В разговоре инженер намекнул: если все будет в порядке, можно будет сделать в Болгарии документы на другое имя. И тогда Хасан вернется на родину.

Утром он нашел русского и дал согласие.

Сразу после приезда в лагерь военный в форме без знаков различия предложил Хасану сесть на высокий неудобный кяфирский стул в одной из комнат. Оказалось, что этот – среднего роста с короткой стрижкой и серыми, блеснувшими металлом глазами русский был самым главным начальником спрятанного в горах лагеря.

Через переводчика военный расспрашивал мусульманина о семье, о том, почему он согласился приехать в Болгарию нелегально. Разговор шел несколько часов. Все, казалось, устали. Неожиданно командир спросил:

– Хасан, почему сидишь, сгорбившись, и прячешь руки под стол?

Спросил он по-русски, но Хасан до сих пор помнил эти слова и жесткий немигающий взгляд. Удивительно, но он понял все сразу и без перевода. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Хасан встал и ответил:

- Я буду разговаривать стоя.
- Тебе, наверное, просто неудобно сидеть? Пойдем со мной.

Они вышли через дверь в конце коридора на уютную, под крышей и с видом на горы, террасу в восточном стиле. Там удобно устроились на ковре с подушками и не спеша раскурили кальян. Переводчик был больше не нужен – оказалось, офицер плохо, но говорил на арабском. Кофе был крепкий, и они беседовали допоздна. Емельянович, так звали русского, вызывал уважение. Он показал точное направление на Мекку и оставил арабов покое на время вечернего намаза. Хасан и сам определил, где святыня, даже среди гор, но со стороны кяфира это было, по меньшей мере, необычно.

В лагере его поселили отдельно, в маленьком домике у ручья. Занятий было немного. Утром приходил инструктор, и после завтрака они отправлялись на стрельбище или в горы. Иногда дрались, не в полную силу, на деревянных ножах. Инструктор умело отражал удары, но почти всегда проигрывал схватку. Хасан владел холодным оружием одинаково хорошо правой и левой рукой. Кроме этого, он часто использовал один из арабских приемов ножевого боя: прятал обе руки за спину, и противник не мог определить, в какой руке в следующую секунду окажется клинок. Позже инструктор показал ему пару ударов небольшой стальной лопаткой с остро заточенными краями, насаженной на короткий деревянный черенок. «Малая саперная» лопата была обязательной в экипировке советского армейского спецназа – десантно-штурмовых бригад. Хасан понял, что удар такого боевого топора он бы не отразил.

Общаться с другими людьми, покидать территорию и ходить в столовую, даже когда показывали кино, Хасану не разрешалось, да и не хотелось.

Два или три раза в неделю они ужинали с Емельяновичем, а после долго пили кофе на террасе. Хасан учил русские слова и пытался понять, что скрывает и что хочет от него офицер. Беседы текли неторопливо, паузы бывали большими, тогда, казалось, каждый думал о своем. Вопросы веры в разговорах не затрагивали, бороться с исламом никто не предлагал. Договаривались о том, как будут держать связь, что может интересовать русских и сколько это будет стоить. Временами просто молчали.

С самых первых встреч на террасе русский просил добавить ему в чашку горячий кофе на арабском. Хасан был младше и с уважением делал это. Потом Емельянович стал обращаться с этой просьбой на русском. Через месяц Хасан уже мог определить желание собеседника без слов: по жесту или взгляду, даже когда кофейника на низком столике не было. Еще через месяц наступило такое время, что просьбы русского араб стал понимать, казалось, мысленно.

Позже они стали играть в игру – угадай желание. Офицер прятал что-нибудь сначала среди диванных подушек, а потом и в лесу, а Хасан должен был понять что именно и найти тайник. Теперь им уже не нужно было назначать следующую встречу. Хасан просыпался утром и уже просто знал, что сегодня Емельянович его ждет. Прошла неделя, и араб обнаружил, что знает, когда они встретятся за кальяном на террасе в последний раз.

Именно в этот вечер Емельянович принес с собой не новый ливийский паспорт с фотографией Хасана. Даже его имя оставалось прежним, но все остальное стало другим. Русский приготовил ему в подарок еще и толстую пачку наличных. Со своей стороны араб нарочно коряво подписал какую-то бумагу на непонятном ему кяфирском языке и на следующее утро покинул лагерь.

После его возвращения в Ливию нечасто, но продолжало происходить это необычное общение – проснувшись утром, Хасан знал: Емельянович приготовил для него деньги. Иногда можно было догадаться, за что тот готов заплатить. Иногда нет, тогда нужно было выйти

на связь. Вскоре Хасан перестал удивляться и стал выполнять просьбы Емельяновича без лишних вопросов: русские платили в любой валюте.

Задание установить контакт с Наташей-Оксаной и половину оговоренной суммы в ливийских фунтах он получил от незнакомца по дороге на те самые, несостоявшиеся похороны. Неверная любила пить водку, и Хасан лично шесть месяцев подряд, каждый понедельник, доставлял ей две бутылки контрабандного «Абсолюта». Переезжая в другую спальню, а скорее всего – в кровать Самого, Наташа-Оксана испугалась, что у нее найдут строго запрещенный личный фотоаппарат. Тогда он подарил ей на прощанье еще две бутылки и получил цифровую камеру тоже как бы в подарок. Никаких картинок на карте памяти аппарата не было – женщина наверняка их стерла. Странно, но за пустышку русские хорошо заплатили.

Хасан отдал бы полжизни, чтобы провести ночь с такой роскошной Наташей. Тогда этого сделать было нельзя – женщина из окружения Самого. Но если на пути попадется еще одна такая блондинка, придется совершить тяжкий грех. И неважно, сколько при этом пострадает неверных.

Глубокая живительная затяжка из кальяна позволила освободиться от грешных мыслей. Грех это не попробовать снять с русских в два раза больше денег, чем они рассчитывают. За время войны против Каддафи цены выросли, и Хасану удалось накопить немалую сумму. Теперь у него есть карта одного палестинского банка, и оплата приходит на этот счет.

Сейчас в трех бумажных пакетах товара минимум в пять раз больше, чем раньше удавалось достать. За такие деньги можно купить шесть наложниц. Или денег наконец-то хватит, чтобы уехать и жить в Бейруте. Главное, не позволить застать себя врасплох, как в тот раз. Недаром почти новая, тяжелая, словно набитая золотом, пластиковая коробочка была не в пакетах для передачи, а здесь, за широким поясом.

Тогда агент Рембрандт чуть не провалил задание. Хасан должен был, держа Наташин фотоаппарат на виду, прогуляться по одному оживленному району Триполи. На вечерней набережной аппарат нужно было передать человеку, который обратится к нему с вопросом – паролем, который придумали русские. Хасан вышел на прогулку, но положил розовый, явно женский, аппарат в небольшую холщовую сумку. Иначе можно было привлечь недобрые взгляды. Почти час Хасан ходил по торговой улице, останавливаясь, словно разглядывая ювелирные изделия, выставленные за толстыми стеклами витрин. Опасения были не напрасны: он только один раз вытащил камеру из сумки, но через минуту опять спрятал, заметив, что прохожие и особенно охранники ближайшего магазина обращают на него пристальное внимание.

На залитой ярким электрическим светом набережной было полным полно народу: кяфиров в светлых штанах, спешащих военных в форме, каких-то индийцев в чалмах. Хасан в темном запыленном бурнусе топтался на месте, словно не зная, куда ему дальше идти.

Обжигая, на голову капнуло холодной водой из торчащей над улицей трубки кондиционера. Араб начал злиться, стало жарко, пришлось на виду у всех вытирать воду и пот со лба не совсем чистым платком. Нужно покинуть это проклятое место. Казалось, и полицейский на углу, постукивая бамбуковой дубинкой по начищенным черным ботинкам, смотрит только на него. Оглядываясь, Хасан торопливо свернул в первый попавшийся темный проулок.

Араб явно нервничал и покидал место условленной встречи. В этой ситуации ничего не оставалось, как изъять агента Рембрандта прямо на улице, затолкать в автомобиль и забрать нужный предмет. Розовая фотокамера была в полном порядке, но к арабу пришлось применить силовые методы воздействия – Хасану запомнился русский парень с раскосыми глазами, который уложил его лицом вниз на заднее сидение белой «Камри».

Капитан Сергей Иванович Ершов, опытный диверсант в свои двадцать шесть лет, крепкий, выше среднего роста, с открытым лицом и татарским разрезом глаз, доставшимся от деда, почти блондин со стрижкой ежик, начал докладывать Новикову: «Прибыл в Ваше распоряжение согласно...», но адмирал только махнул рукой и протянул Ершову папку с документами. В кабинете за дубовым рабочим столом в адмиральском кожаном кресле восседал полковник Белов. Если Емельяныч здесь, то задание обещает быть интересным.

Сергей внимательно изучил мелкомасштабную карту глубин одной из неприметных бухт на побережье Средиземного моря недалеко от Бенгази. Задание, ситуацию, план он понял, а агент Рембрандт вообще старый знакомый. Вспыльчивый, склонный к непродуманным действиям, но смелый и до сих пор не подводивший араб должен был оставить добытые материалы в условленном месте. Дополнительных вопросов у Ершова не возникло, хотя как раз сейчас и стоило их задать. Во время проведения операции капитан принимал решения самостоятельно и на связь выходил только в самых экстренных случаях.

Адмирал Новиков и полковник Белов смотрели выступление президента США по ТВ. После гибели посла президент был явно не в себе. Обещал ответить, сохранить, усилить. Было понятно, что в его команде царит растерянность. Госсекретарь Хиллари Клинтон стояла рядом с трибуной и смотрела прямо президенту в рот, словно боялась, что он скажет что-нибудь лишнее. Американцы официально заявили о решении приблизить боевые корабли к береговой линии Ливии, но речь о высадке десанта не шла. Реакция явно не предусматривала быстрых силовых решений и сводилась к усилению охраны зарубежных представительств. Вокруг посольства в Каире возводилась трехметровая стена из каменных блоков, протестующих в Йемене разогнала пулеметным огнем местная армия.

Ершов по уставному поднялся из-за стола и спросил, обращаясь к адмиралу:

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

Короткий, без лишних деталей, оперативный план контакта с агентом Рембрандтом был составлен и утвержден, приказ отдан: Ершов с двумя бойцами морского спецназа вылетал ближайшим гражданским рейсом в Тунис.

Старая «нокия» для связи с русскими давно была выключена. Другой мобильник, с обычным ливийским номером, коротко вздрогнул, приняв СМС на арабском от анонимного отправителя. Посылку следовало оставить после вечернего намаза в рыбацкой лодке двоюродного брата, живущего в маленьком поселке у моря. Как русские найдут ночью лодку на каменистом пляже, отличив ее от десятка других, агента Рембрандта уже не должно волновать.

С тихим стуком перекатывая гальку, легкий ночной прибором плавно вынес аквалангиста в темном гидрокостюме на дальнем конце пляжа у подножия окружающих бухту отвесных скал. В неярком свете звезд угадывались очертания вытасненных из воды рыбацких лодок. Некоторые перевернуты, словно для просушки. В приборе ночного видения пляж и тропинка, ведущая вверх, были чистыми. Сняв баллон, ласты и другое, лишние на берегу снаряжение, темная фигура двинулась к седьмой лодке во втором ряду. Вдруг со скалы справа, со стороны тропинки, с шумом покатились камни.

Боец мягко прыгнул вперед, перекатился и залег в тени от ближайшей лодки. На черно-белой картинке прибора ночного видения не появилось ничего настораживающего. Последний камешек из камнепада, щелкнув по гальке, затих. Минут через десять можно будет двигаться дальше.

Уже много часов Хасан терпеливо лежал под одной из перевернутых лодок, наблюдая за пляжем. Узкий кинжал с богато украшенной вязью рукояткой он держал в ножнах, пряча оружие в левом рукаве грубошерстной рубахи. Аквалангиста на берегу араб заметил сразу, но буквально на секунду отвлекся на шум камнепада, и черный силуэт исчез.

На галечном пляже бухты было тихо, только небольшие волны, накатывая на берег, шумели прибоем. Человек в гидрокостюме, притаившись, лежал в густой тени у борта рыбацкой лодки. Оружия, кроме ножа аквалангиста, он не имел, а все снаряжение было сделано в Китае. В случае нештатной ситуации принадлежность пловца к какой-либо стране не установят.

Прошло восемь минут, затем еще пять. Капитан Ершов по-пластунски переместился под прикрытие развешенной на деревянных кольях рыбацкой сети. Отсюда открывался широкий обзор всего пляжа.

Несколько лодок сушились на небольшом каменистом холме. Устроившись под одной из них на коврике, Хасан лежал на боку и тоже старался не шуметь. В широкую щель между бортом перевернутой лодки и галькой в свете звезд был виден почти весь берег. Араб пытался определить, куда делся аквалангист, и нервно перебирал четки. Много подобных ночей провел Хасан в этой удобной для контрабандистов бухте, часами лежа в засаде. Но, кажется, раньше он так не нервничал – обычно на дело они ходили вдвоем с братом.

Левую руку охлаждал пристегнутый на предплечье под рукавом старинный кинжал в ножнах. Этим оружием Хасан не лишил жизни ни одного человека, даже неверного – не хотелось расставаться с такой красивой вещью. Ножны и рукоятку клинка густым арабским узором украшала инкрустация из драгоценных камней. Старики поговаривали, что обагренный человеческой кровью кинжал должен поменять хозяина: его лучше кому-нибудь подарить или продать. И поэтому, хотя убивать Хасану приходилось, это оружие оставалось чистым.

Попало оно к Хасану благодаря двоюродному брату – тот украл из дома своего отца старинный кинжал и передал ему как раз перед боем. Спрятанные под одеждой ножны играли в схватках роль защиты – ими прикрывалось предплечье безоружной руки от кисти до локтя. Поэтому и выпал один из камешков.

Это случилось около пятнадцати лет назад на старом базаре – Хасан отбил левой рукой удар турецкой сабли. Клинок в ножнах незаметно оказался в руках, когда он как бы случайно скрестил их за спиной. Соперник – бедуин, не желавший платить за охрану верблюдов у караван-сарая, размахивал саблей и подумать не мог, что какой-то мальчишка сможет оказать ему достойный отпор.

Ножны Хасан засунул в левый рукав, а в правой стиснул кинжал. Бедуин ударил сверху, Хасан подставил предплечье левой руки под наклоном, и кривая сабля соскользнула по ножнам вниз, не причинив вреда. В тот же миг старинный клинок оказался у самого горла караван-баши. Еще одно движение, как при свеживании ягненка, и кровь забрызгает песок под ногами. Тогда-то Хасан, совсем еще мальчишка, и понял, что такое взгляд полный предсмертной тоски. Толпа зашумела, окружающие оттащили Хасана подальше, но эту первую, самую важную схватку в жизни, он выиграл с честью и стал настоящим мужчиной.

Бедуин отсчитал двойную цену и быстро убрался вместе со своими верблюдами.

После этого прошло много лет, и в схватках араб использовал это оружие редко, хотя почти всегда носил его с собой. В добрые былые времена один вид неизвестно откуда появившегося в руке клинка останавливал многие горячие головы. И в ночной бухте кинжал еще не один раз пригодился Хасану – одним, с коротким замахом, ударом им легко рубились

веревки и вскрывались мешки контрабандистов для проверки и бакшиша. И не было разницы, висят они с бортов шлюпок или ждут в общей куче отправки наверх по тропинке. Если дань снимали еще до разгрузки товара на берег или контрабандисты пытались уйти из залива не рассчитавшись, мешки срезались за считанные секунды. Дельцы держали их привязанными за бортом лодок так, чтобы иметь возможность, в случае появления патрульных катеров, быстро сбросить контрабанду в воду. Срезанные с бортов в бухте, даже распоротые мешки с сигаретами или гашишем выносило утренним отливом в открытое море совсем недалеко. На рассвете Хасан с братом выходили на рыбацкой лодке из бухты и собирали товар.

Если перевозчики были старыми знакомыми и платили деньгами, только что сгруженную у кромки прибоа партию товара проверяли редко. Но чаще они с братом действовали по другому. Тяжелые упаковки с алкоголем или электроникой удобней всего было брать у почти метровой ступеньки на тропинку, которая шла вверх, через скалы, к дороге.

Контрабандисты должны были останавливаться у ступени для передачи товара наверх. Бесшумно появившийся из темноты Хасан обычно без лишних вопросов получал положенную долю. Здесь, у этого уступа, нередко доставалась самая крупная добыча.

Попадались и наложницы. Но ни Хасан, ни его брат никогда не использовали право первой ночи на мусульманской земле. Если у единоверцев не было денег на оплату дани, их пропускали, назначая долг. Такие долги иногда стоили дороже, чем деньги. Да, в этой бухте прошли, пожалуй, лучшие времена.

Шум камней, скатившихся с горы, мало беспокоил Хасана. Он знал, что, если кто-то пойдет по тропинке сверху, мелкие камешки посыплются прямо на отполированную за много лет площадку у подножия высокой ступени, и звук будет совсем иной. Поэтому Хасана волновало другое – где прячется русский. Только сейчас он понял, что видел человека в матовом костюме аквалангиста, но не слышал его шагов. Араб начинал не только нервничать, но и злиться на самого себя. Хотелось просто проконтролировать получение товара и немного величить оплату, а теперь этот русский прячется и неизвестно, что у него на уме. Отсюда, сверху, светлые бумажные пакеты с компьютерными железяками были отчетливо видны. Они лежали недалеко, метрах в десяти, на корме одной из лодок. Это была лодка брата Хасана с нарисованным на борту масляной краской знаком, который наверняка знали русские.

Похоже, того, кто пришел за товаром, насторожил шум камнепада, и он затаился. Оставалось только перебирать четки и отдавливать бока на гальке. Но слишком долго тихо лежать под лодкой Хасан не мог – сильно поджимал низ живота. Один раз он уже отлил, но сейчас хотелось еще сильнее. Надо было расслабиться и закрыть глаза хотя бы на пару минут.

Тяжелую, как золотой слиток, пластиковую коробочку мусульманин давно вытащил из-за пояса и спрятал под ковриком. Пожалуй, это самая ценная часть товара, и теперь главное – удвоить сумму. Как это сделать, он пока не знал. В старые времена брат, почти не различимый в темноте бесшумно подкрадывался и накидывал удавку на шею недовольного. Сейчас такой вариант не пройдет, брата рядом не было.

Раньше они делили ночь в бухте на две равные части. Хасан любил поспать под утро, и тогда брат дежурил, укрывшись под другой лодкой. Если раздавался незнакомый звук или «сигнал опасности» – брошенный в борт лодки камешек, Хасан моментально просыпался и брал ситуацию под контроль.

К рассвету похолодало, и он пожалел, что не прихватил у родственников одеяло. Не хотелось говорить лишнего и признаваться в своих тайных делах с русскими. Хотя, скорее всего, брат догадался, куда он ушел после вечернего намаза. Большой молельный коврик из верблюжьей шерсти Хасан привез с собой, а кинжал как всегда был при нем.

После того как перед войной в бухте стали появляться серые военные катера, а по тропинке контрабандистов начали переправлять большие, темно-зеленые ящики, от сбора дани пришлось отказаться. На каменистом пляже становилось небезопасно. Катера, прикрывая суденышки с грузом, подолгу светили прожекторами, обшаривая каждый уголок бухты. По гальке расхаживали люди, вооруженные автоматами, и под их прицелами рисковать не хотелось.

После начала войны появились новые клиенты – нелегалы. Раньше они пытались добраться из Африки до ближайшего итальянского острова Лампедуза, отправляясь в море на лодках и катерах на свой страх и риск из другой части Ливии – Триполитании, в районе границы с Тунисом. Правительство Каддафи с этим боролось, и при нем нелегалов было совсем немного. А с началом восстания и в течение почти двух месяцев желающие найти счастье в Европе толпами, со всей Африки, валили через регион со столицей Бенгази – Киренаику. Им нужны были лодки и возможность спокойно отчалить от берегов Ливии. Тогда Хасан обзавелся парой автоматов Калашникова и вместе с братом и парой крепких ребят снова взял бухту под свой контроль.

Мощный поток живого товара превратился в пересыхающий ручеек после того как суденышки с нелегалами стали загонять обратно катерами блокирующего ливийское побережье иностранного военного флота. Зато контрабанда шла почти в открытую. Появился героин, порошок и таблетки, а гашиш теперь вывозили из Ливии.

В последнее время по ночам в бухте стало тихо. На рассвете рыбаки, пользуясь отливом, спокойно выходили в море. Зато все чаще с просьбой об отправке товара стали обращаться бородатые из катибов повстанцев. Куда теперь отправлялось оружие, Хасан предпочитал не спрашивать. Платили мало или совсем никак, но ссориться было опасно. Когда удавалось, он запоминал маркировку на ящиках и оставлял записки с данными в тайнике для Емельяновича.

Но товар в стандартных ящиках шел редко, чаще попадались завернутые в брезент стволы. Пару раз удалось засечь упакованные отдельно от снарядов трубы, следить за которыми очень просили русские. На перегрузке удалось надрезать брезент, оказалось, что это были еще советские РПГ. За эту информацию заплатили немного, но обещали крупную сумму, если удастся быстро сообщить об отправке переносных зенитных комплексов, советских или новых, все равно. Почти такие же трубы, но стреляют из них по самолетам.

Уже наверняка прошел целый час, как аквалангист появился на пляже, но после камнепада его не было ни видно, ни слышно. Хасан закрыл глаза, отложил четки и улегся поудобнее. На фоне слабого шума прибоя движения русского мог выдать любой звук.

Развешенная для просушки рыбацкая сеть пахла морем. Капитан Ершов по квадратам, слева направо изучал обстановку. Три пакета с передачей обнаружились в условленном месте, на кормовой банке лодки с нарисованным на борту характерным знаком.

Продолжая наблюдение, Сергей обнаружил интересную деталь. На одной из перевернутых лодок явно читались следы не так давно побывавшего здесь мужчины. Об этом свидетельствовали темные разводы мочи на днище. Ершов перевел взгляд ниже. Свежие отпечатков шагов по каменистой ряби гальки обнаружить не удавалось, зато кромешной тьмой выделялась щель между грунтом и бортом соседнего, приподнятого с одной стороны на камне, баркаса. Если выбирать место для засады, то лучшего, пожалуй, не найти. Стоило присмотреться внимательнее.

Хасан мысленно повторял суры, но нервы, похоже, сдавали. Все сильнее хотелось освободиться от переполнявшей мочевой пузырь жидкости. Араб рискнул и, подвинувшись ближе, на секунду, выглянул из укрытия. Русского не было. По телу, от холода или от волнения, или

от всего вместе, пробежала мелкая дрожь. Высовываться из под лодки было опасно – аквалангист, не разобравшись, мог прихлопнуть одним выстрелом.

Через прибор ночного видения Ершов за секунду четко зафиксировал в памяти лицо человека, выглянувшего из-под приподнятого борта. Короткая стриженная борода, усы, без головного убора. Неужели Рембрандт? До начала отлива оставалось не так много времени, а до рассвета еще предстояло выбраться из бухты и как можно дальше отплыть в открытое море. Сергей легонько бросил камешек в одну из сушившихся на пригорке лодок.

От раздавшегося громом небес стука по деревянному борту лодки Хасан на миг потерял голову. Привычка сработала быстрее, чем разум: старый сигнал тревоги заставил его выскочить из укрытия.

Капитан наблюдал, как араб ловко, ужом выбрался из-под борта, отбежал на пару шагов и остановился, спуская штаны. Ершов бросился к лодке с пакетами. Содержимое бумажных упаковок из-под натовского пайка в мгновение ока переместились в специальный водонепроницаемый чехол. Рембрандт, между тем, закончил свое дело и, подтягивая шаровары, смотрел прямо на капитана. Что-то было не так.

Неслышное движение за спиной и Сергей, шестым чувством ощутив угрозу, попытался резко присесть, чтобы уйти в сторону прыжком с переворотом. Но он не успел – в ту же секунду у него на шее захлестнулась наброшенная сзади удавка. Тонким шелковым шнурком брат Хасана ловко заарканил бойца.

«Теперь его, словно бычка, можно стреножить, обыскать и пустить на корм рыбам», – подумал араб, держа удавку натянутой, как струна.

Хасан, неспешно приближаясь, спросил по-русски:

– Ты зачем здесь?

– Получить товар от хороших людей, – с трудом просипел Сергей.

Удавка немного ослабла. В руке Хасана, словно появившись из воздуха, блеснул длинный клинок. Араб подошел совсем близко и, пристально глядя в глаза, продолжил:

– Я тебя узнал.

– И я тебя помню. Что теперь?

– Самое время рассчитаться.

Хасан медленно приблизил острую как бритва сталь к шее пленника. Ершов мог бы одновременно с ударом головой назад выхватить нож из неопренового чехла на бедре, но вместо этого только слегка тряхнул зажатым в руке чехлом с железками:

– Дорого стоит?

– У меня есть еще кое-что, но сумму придется удвоить.

Капитан отвел взгляд, как будто пытаясь разглядеть что-то в чернильной темноте скал за спиной Рембрандта. Торговля – любимый арабский вид спорта. Если соглашаться сразу, то продавец может обидеться. Через несколько секунд он снова смотрел арабу в глаза:

– Ты знаешь, что мы тебя никогда не обманывали. Посмотрим и заплатим, если того будет стоить.

Хасан сделал еще шаг вперед и теперь был практически лицом к лицу с Ершовым. Их немигающие взгляды скрестились как стальные клинки. Страх в глазах русского не было. Араб понял, что ссориться и мстить за разбитый в прошлый раз нос не стоит, а лучше завершить начатое дело. Хасан легким движением кинжала рассек удавку, слегка порезав на шее капитана гидрокостюм:

– Сейчас принесу, это ценная вещь. А ты, – он коротко взглянул на брата, – не вздумай тронуть этого человека. Он заплатит нам позже.

«Заднего можно убрать ударом с разворота, а в уходящего Хасана метнуть нож», – но капитан лишь медленно поднял правую руку и провел пальцами по разрезу:

– Мне пора уходить.

Через минуту мусульманин вернулся с черной пластиковой коробочкой и, передавая ее капитану, словно вспомнив о чем-то важном, нахмурил брови:

– У меня украли бинокль.

Ершов улыбнулся – вечно эти арабы друг у друга что-то крадут:

– Бери мой. Будешь видеть даже в темноте.

Получив подарок, Хасан тоже слегка улыбнулся и, обнимая Ершова на прощанье, на ухо прошептал:

– Деньги на счет: двойная сумма, плюс десять тысяч сверху, —

слава Аллаху, все прошло хорошо, и брат оказался рядом.

Темная коробочка – прибор весом около трехсот граммов в прочном пластиковом корпусе с разъемами на задней панели – была очень похожа на внешний жесткий диск. Возможно, на нем сохранилась важная информация либо ее удастся восстановить.

Начался отлив. Ершов рассчитывал с его помощью быстро покинуть бухту и, подхватив течение, удалиться от берегов Ливии на максимальное расстояние.

Надувной неприметного серого цвета плотик течением и попутным ветром уносило все дальше на северо-восток. Сброшено в море лишнее снаряжение, непромокаемый чехол с передачей от агента Рембрандта закреплен на метровом линьке. Капитан Ершов отправил в эфир условный сигнал и проверил работу радиомаяка. В течение часа его должен подобрать гидро-самолет с греческими опознавательными знаками.

Глава 5. Год 1986. Ракеты, корабли и самолеты

На экране радар боевого корабля Шестого флота ВМС США в Средиземном море исчез один из подсвеченных объектов, перемещавшихся в зоне интереса. Цель «медленная», распознаваемая как низколетящий гражданский самолет. Для наблюдения в этот квадрат был направлен беспилотный летательный аппарат.

Волны монотонно покачивали надувной плот, солнце припекало совсем по-курортному. Послышался звук мотора приближавшегося самолета, который в небе выглядел игрушечным. Ершов развел руки в стороны, словно сам собрался взлететь. Пилот гидроплана заметил сигнал, самолет ушел на разворот и через несколько минут приводнился, обдав плотик пеной бурунов. Сергей распорол ножом плот в нескольких местах, и тот стал медленно тонуть. Плыть к самолету было совсем недалеко.

Сигнал о пропавшей с экрана радар цели поступил на командный пункт «Маунт Уитни» – флагманского корабля Шестого флота ВМС США. Дежурный офицер взял ситуацию под контроль и попытался связаться с гражданским пилотом.

Летчик гидросамолета, приветливо распахнув дверцу, помог Ершову забраться внутрь.

– Хелло, друг.

– Хеллоу, как ты?

Грек в солнцезащитных очках на пол-лица дружелюбно улыбался, но по-английски говорил плохо.

– Все ок, летим на Кипр.

– Топлива хватит?

– Должно хватить, есть запасные баки. Основные я тоже дозаправил.

В наушниках пилота неразборчиво слышалась речь, он прижал один из головных телефонов к уху, и улыбка на лице сменилась выражением легкой озабоченности.

– Вызывают янки, военные моряки.

Ершов, пригибаясь в крошечном салоне за высокими креслами пилота и пассажира, лихорадочно стягивал гидрокостюм.

– Ответь им и скажи, что у тебя легкая поломка, уже взлетаешь.

– Они спрашивают, нужна ли помощь?

– Взлетай, разберемся.

Дежурный офицер вел переговоры по радио и одновременно на мониторе смотрел видео в реальном времени с камеры дрона. Гидросамолет начал разбег для взлета.

С трудом удерживая на ходу приоткрытую дверцу, Ершов сбросил в воду ставшую ненужной экипировку аквалангиста. Щелкнула, закрывшись, дверца. Новенький «нож водолаза» в неопреновом чехле пошел на дно. Самолет оторвался от воды и, качнув крыльями, начал плавно набирать высоту.

На передаваемом беспилотником видео было ясно видно, как из гидроплана в воду упало что-то темное.

– Повторяю вопрос. Вам нужна помощь?

– Нет спасибо, все в порядке, – с ужасным акцентом ответил летчик. – Мы летим дальше.

Дежурный отметил несколько странностей в этой простой, на первый взгляд, ситуации и зафиксировал точное время для рапорта. Зачем гидросамолет делал остановку, что упало в воду, почему он сказал «мы», когда в кабине был явно виден только один человек – может,

причина в плохом знании английского? И еще: самолет взлетал с необычно длинным разбегом, словно с перегрузом. Офицер решил продолжить наблюдение и отправить внеочередной доклад.

Оператор дрона подвел беспилотник ближе к точке, где темным пятном выделялся погружавшийся под воду предмет. Похоже на гидрокостюм, но подтвердить это по ускользавшему в глубину силуэту было трудно – слишком быстро тонул. Еще один, большего размера, тонущий предмет был зафиксирован на расстоянии примерно сорока футов от места приводнения гидросамолета.

Старший офицер дежурной смены, получив внеочередной рапорт, изучил материалы. В маршрутном листе частного гражданского самолета пунктом прибытия указан Кипр. Оpoznательные знаки соответствовали, на запрос летчик ответил. Оператор дрона, успевшего обогнать гидросамолет, снял картинку с видом кабины – в ней два человека – пилот в светлой, пассажир в гавайской рубашке и одинаковых очках от солнца. Тяжело взлетел наверняка из-за навесных емкостей для горючего. Что в них, военных не касается.

– Наверняка тянут порошок. Запроси, куда летят, возьми на проводку, если больше ничего странного не будет, срочно не докладывай, включишь в доклад по смене. Передай информацию греческой и кипрской полиции.

– Да, сэр.

Регион оживленный, днем в небе сотни гражданских самолетов, а у военных хватает своей работы.

Ершов, устроившись в пассажирском кресле, надел параллельный комплект головных телефонов. Американцы запросили конечный пункт полета и, получив ответ, похоже, успокоились. Самолетик летел ровно, словно по линейке. Сергей почему-то вспомнил про галеты из сухого пайка боевого пловца, хотя есть еще не хотелось.

«Как могучий горный поток, помчались охотники по пескам пустыни. Волк услышал погоню и побежал. Он бежал изо всех сил, он прятался в руслах сухих арыков, но его поднимали собаки. Он хоронился за барханами, зарывался в песок, но везде его настигала погоня. Волк обессилел, но он был хитер: он прыгнул в заброшенный колодец и притаился на дне».

Полковник Алексей Емельянович Белов, сидя в своем кабинете за ореховым журнальным столиком, читал «Туркменские народные сказки». Он уже знал, что два часа назад Ершов вызвал для отхода самолет. Плоский монитор на рабочем столе полковник как обычно развернул в сторону глухой, без окон, стены. Если придет сообщение от адмирала Новикова, компьютер отзовется звонком колокольчика.

Полковник пытался найти подходящие тексты для вечернего воскресного чтения трехлетней внучке Алисе. Коллеги, зная о новом хобби Емельяныча, подкидывали литературу. В сказках герои разили друг друга мечом, травили ядом, сажали в печь или, в крайнем случае, обманывали. Проводили разведывательные и диверсионные операции, шли на вооруженный конфликт или снабжали дезинформацией. Причем, так вели себя и хорошие и плохие персонажи. Побеждали, правда, всегда хорошие. Может быть, они потому и оказывались хорошими, что одерживали победу любой ценой? Полковник закрыл книгу и отогнал посторонние мысли.

После убийства посла жестких карательных мер пока не последовало, американцы играли в пас. Не поднялись в воздух самолеты, не встали на боевой взвод ракеты. И хотя два корабля Шестого флота со 180 крылатыми ракетами и морскими пехотинцами на борту приблизились к берегам Ливии, но маневрировали вне территориальных вод. Явно не 1986 год.

Тогда, второго января, Муаммар Каддафи выступил со своей знаменитой речью, в которой заявил, что будет «сражаться с Америкой до конца», «экспортировать терроризм на ее территорию» и «преследовать американцев везде, на улицах их же городов и в их же постелях». Действующий в то время президент Соединенных Штатов республиканец Рональд Рейган ввел жесткие санкции против Ливийской Джамахирии. Были запрещены любые экономические контакты между странами, граждан США обязали покинуть Ливию под угрозой судебного преследования своими же властями. Одновременно шла мощная медиа-пропаганда.

Начало противостоянию США и Ливии положил еще 1969 год, когда Муаммар Каддафи и его единомышленники – офицеры ливийской армии, свергли короля Идриса. По приказу новой власти военная база «Уиллис» в районе Триполи, где размещались самолеты американцев, была закрыта, а филиалы нефтяных компаний «Шелл», «Шеврон» и «Онако» национализированы.

В те времена полковник Каддафи был одержим планами объединить арабские страны в некоторое подобие халифата. Изучив труды Михаила Бакунина и других радикальных революционеров конца 19 и начала 20 века, он считал террор всего лишь одним из способов добиться реализации своих амбициозных, иногда граничащих с патологией, планов. И главным пунктом в них стоял новый халифат под зеленым знаменем ислама в собственном толковании. На территории Ливии обосновались экстремисты из разных стран: филиппинские партизаны, западногерманская «Красная Армия», палестинские боевики, и это далеко не полный список.

Боевиков использовал в своих интересах не только Каддафи, такая практика была скорее общепринятой в плане решения политических вопросов. Например, СССР в свое время только в одной из горячих точек поддерживал Организацию Освобождения Палестины, Демократический Фронт Освобождения Палестины и Народный Фронт Освобождения Палестины.

В советских газетах в открытую писали о поддержке какого-нибудь фронта имени Фарабундо Марти. Со своей стороны, США вооружал и финансировал «Аль Каиду» и еще десятки организаций по всему миру. Бойцов, в зависимости от политических предпочтений, называли борцами за свободу или независимость, революционерами, партизанами, экстремистами, радикалами, наемниками, боевиками или террористами.

В конце декабря 1985 года в аэропортах Вены и Рима у стоек регистрации израильской авиакомпании «Эль-Аль» лица арабской внешности расстреляли из автоматов 18 и ранили более сотни человек. Ответственность за теракт тогда взяла на себя организация, имевшая тесные связи с Ливией.

Кроме международного терроризма полковнику Каддафи Штаты вменяли в вину покупку у СССР зенитно-ракетных комплексов С-200ВЭ («Вега-Э»). В 1982 году, во время арабо-израильского конфликта, такой комплекс с расстояния в 190 километров сбил ракетой американский самолет дальнего радиолокационного обнаружения E-2C Hawkeye, стартовавший с авианосца. Позиции кораблей Шестого флота США оказались уязвимыми, и американцам пришлось отойти. С мая 1981-го по июнь 1982-го сирийские ПВО, вооруженные советской техникой, сбили 34 воздушные цели – 27 боевых самолетов, 3 вертолета и 4 беспилотных летательных аппарата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.